

Об одной модели времени у Вяч. Иванова

В.П. Троицкий (Москва, «Дом А.Ф. Лосева»)

{Работа опубликована: Символ. № 53–54 (2008). Москва – Париж // Вячеслав Иванов: несобранное и неизданное. – С. 815–825}

{815} Затрагиваемая тема, которую можно было бы обозначить «Вяч. Иванов – мыслитель», предполагается к рассмотрению на базе одной из фундаментальных проблем мировидения; именно, в дальнейшем нас будет интересовать *структура времени*.

Обычно принято говорить о времени линейном (которое привычно выражается образом «стрелы времени») или о времени циклическом. Однако, как выясняется, давно назревает и уже назрела необходимость всерьез рассматривать еще одну фундаментальную структуру, альтернативную либо дополнительную к двум названным. При этом существенный материал для такого рассмотрения, во многом согласуясь с современным научным поиском или даже в некоторых отношениях опережая его, дает художественное творчество. Пример мы почерпнем именно у Вяч. Иванова, тем самым к теме «Вяч. Иванов – мыслитель» закономерно прибавляя «– поэт». В частности, отправной точкой, как и основной линией для предлагаемых размышлений нам послужит его поэма «Сон Мелампа».

Поэма увидела свет в 1911 году в составе большого стихотворного сборника «*Cor Ardens*». Герой этого произведения Меламп (полное греческое имя Мелампод, в буквальном переводе *черноног* или *черный ногами*), примечательно упомянутый еще Гомером, в античной мифологической традиции неизменно славился удачными прорицаниями. Меламп описывается у Вяч. Иванова в самом начале своего пророческого пути. Поэт-символист естественным для него образом (все-таки получил полновесное классическое образование) привлекает указания прежде всего со стороны классической филологии и на первых порах почти не привносит от себя ничего нового (98)¹:

Спал черноногий Меламп, возлеянный в черной дубраве

Милою матерью, нимфой, – где Гелиос, влажные дебри

¹ Здесь и далее цифрами в скобках даются ссылки на страницы по изданию поэмы «Сон Мелампа» в кн.: *Иванов Вячеслав. Cor Ardens. Часть первая. М., 1911. С. 98–105.*

{816} *Жгучей стрелой пронизав, осмуглил ему легкия ноги:*

Слыл с той поры Черноногим излюбленный Гелием отрок.

Зачин поэмы воспроизводит легенду о происхождении имени Мелампода. Такова вполне натуралистичная, по видимости, версия, известная в изложении позднего схолиаста к Третьей идиллии Феокрита. Оказывается, мать всего-навсего оставила младенца с неприкрытыми ногами на палящем солнце. Но тем самым «наивная» этимологизация подчеркивает, что за Мелампом (Меламподом) изначально закреплялась определенная мета судьбы, фиксировалась некая заданность его предназначения: он с младенчества представал двойственным или двусоставным. Это свойство выразилось, правда, пока только чисто внешним, сугубо телесным образом: верх у него бел, а низ черен, – так нашего героя «право знаменовал» (100) сам Гелиос.

Далее в поэме рисуется сюжет, тоже в большинстве деталей следующий вполне традиционному руслу, а именно, он близок к изложению в знаменитой «Мифологической библиотеке». По Аполлодору, читаем, Мелампод «жил в сельской местности, и перед домом у него стояло дерево, под корнем которого находилась змеиная нора. После того как слуги убили змей, он тела их сжег, сложив для этой цели костер, а змеиных детенышей подобрал и стал их вскармливать. Когда змеи выросли, они однажды вползли ему во время сна на плечи и стали прочищать ему уши своими языками. Мелампод в страхе пробудился, но стал понимать язык летавших вокруг него птиц. Узнавая многое от них, он стал предсказывать людям будущее»². У Вяч. Иванова эпизод выглядит так. Меламп совершает тот же благородный поступок, похоронив (правда, предав земле, а не сожжением, как свидетельствовал Аполлодор) «змею-старницу» и вскормив ее «юную дочь-медяницу». С благодарностью ему выступают такие же «подхолмныя змеи», они тоже (98),

... подвижныя жала

Зыбля и плоския главы к вискам пригибая сонливца,

Уши Мелампу лизали...

и тот проснулся в новом качестве. Как сообщается в поэме, в конце концов Меламп возвратился в мир земной, став для людей «боговецим» (104).

² Аполлодор. Мифологическая библиотека. М., 1993. С. 16 (перевод В.Г. Боруховича).

Однако, принеся некоторую дань филологической учености, {817} Вяч. Иванов существенно расширил масштаб последующего повествования. Читателю становится ясно, что сон Мелампа призван сообщать нечто более значительное, кроме известной легенды, – а именно, весьма конструктивные или же, во всяком случае, подробные сведения о мироздании, о структуре универсума. Сквозь «шип тайнозвучный и шопот» Меламп узнает, что он, оказывается, имел дело не просто со змеями (98):

Вечность ты схоронил, о Меламп, и вечность взлелеял.

Не прерывая сна и потому с некоторым трудом («темным усилием») Меламп вполне разумно возражает вестницам, успешно тем самым сохраняя еще логику бодрствования (99):

... как вечность я мог схоронить и взлелеять?

Может ли вечность родиться? И сгинуть вечность не может.

Тут снова «он слышит, он чует» змеиный ответ. Сообщаемый, вернее, зашифрованный в нем идейный посыл, как мы в дальнейшем выясняем, является кардинальным и решающим (99), –

не едина вся вечность,

однако поначалу змеи нашептывают «сонливцу» только рассказ о загадочных морских просторах, в которых обитают души, «вольным дельфином» ныряющие:

Движутся в море глубоком моря, те – к зарям, те – к закатам;

Поверху волны стремятся на полдень, ниже – на полночь:

Разно-текущих потоков немало в темной пучине,

И в океане пурпурном подводные катятся реки.

Меламп заинтригован, он просит разъяснений и даже полного посвящения в тайну, и змеи соглашаются. Они берут его, точнее, «вещую душу» Мелампа и погружают ее в «бездны бездонные» Змеиной Нивы, где рассказ о мироздании продолжается и обретает подробности уже в «пении», «звоне» и «шорохах смутных» этой самой Нивы.

Так спящий Меламп узнает, что «не единая» вечность составлена из Вечных Причин и Вечных Целей. Первые из них суть «Змеи-Причины», представляющие начало женское, видимое, земное, вторые суть «Змии Целей», представляющие

начало мужское, {818} невидимое, небесное³. Они взаимосвязаны и образуют вселенское целое, их «обручила судьба» (100).

Далее рассказ возвращается к образу «моря в море», только с тем отличием, что эти «разно-текущие потоки» получают еще и понятийную спецификацию, нам уже отчасти известную (100):

*Так из грядущаго Цели текут навстречу Причинам,
Дщерям умерших Причин, и Антирройя Ройю встречает.*

К уточнению понятий мы и перейдем. В своем прозаическом комментарии к поэме (очень немногие разделы «Сог Арденс», отметим или напомним, получили еще таковой) Вяч. Иванов разъясняет, что Ройя, собственно *поток* по-гречески и Антирройя⁴, собственно *противотечение* (мы бы еще добавили – *антипоток* или, лучше, *противоток*) суть два «технических термина» в его метафизической концепции причинности (105). Ройя – это поток причинности, воспринимаемый нами «во временной последовательности движения из прошлого в будущее», а Антирройя – «из будущего в прошедшее». Еще одно важное разъяснение делается относительно увязки Антирройи с Целями – как подчеркивает автор, «вопреки тексту поэмы», он принимает эту увязку «лишь условно» и советует рассматривать Антирройю «просто, как встречную причинность» (105). Другими словами, Вяч. Иванов не хотел напрямую связывать свои *termini technici* с известным разделением причин на формальные и телеологические, восходящим к Аристотелю. Не будем такую прямую историко-философскую связь навязывать и мы.

Итак, художник нарисовал два «разно-текущих» или встречных, парно-сопряженных потока причинности и, соответственно, не один, а два противоположно направленных потока времени. Образ двух друг другу навстречу летящих «стрел времени», который дал нам «Сон Мелампа», требует особого внимания. Внимания – уже потому, что такой парно-встречной модели времени, в отличие от модели линейной и модели циклической, до сих пор еще не нашлось места в списках основных концептов современной культуры. Чтобы убедиться в

³ Ради краткости приводим спецификацию качеств указанных двух вселенских начал, опуская соответствующие подтверждающие цитаты из поэмы.

⁴ Отметим, что в первом издании поэмы это слово воспроизводилось ближе к греческому оригиналу, т.е. именно с двумя «р» – *Антирройя*. В недавнем брюссельском издании в тексте поэмы введено словоупотребление с одним «р», однако в авторском комментарии оставлено два «р» (см.: *Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель. 1974. С. 294, 300*).

этом, достаточно взять словарь Ю.С. Степанова и обследовать перечень известных представлений о времени⁵.

Впрочем, следует еще подчеркнуть, что в нашем изложении сюжет и, главное, содержание «Сна Мелампа» далеко еще не {819} исчерпаны. Читатель, имеющий вкус к метафизическому, также с интересом обнаружит тут мотив *зеркальных отражений*, чрезвычайно важный не только для поэзии Серебряного века, что хорошо известно, но и для философских представлений и для науки той поры⁶. Еще один мотив является сквозным для большого периода творческой жизни самого Вяч. Иванова – такова символически или, точнее, мифо-символически рассмотренная тема падшего, временно *разъятого мира* (Дионис растерзанный). Ясно, что все эти темы, прибавляя и отмеченный выше мотив двух потоков времени, в поэме тесно переплетены, друг друга окликают, полагают, требуют. Потому наше вычленение из «Сна Мелампа» только одного представления о Ройе и Антирройе является необходимым, но только лишь первым шагом к более широкому анализу космологической символики поэмы. А в рамках нашего повествования этого вычленения и вполне достаточно, чтобы вооружиться интересным образчиком того, как мифо-поэтическое построение может бросать неожиданные рефлексии на науку и даже на ее, науки, новаторские направления.

О последних пришла пора хотя бы упомянуть, учитывая характер и задачи данной заметки – вкратце, почти без разъяснения содержательных сторон предлагаемых примеров.

В рамках естественных наук идея о встречно текущих потоках времени получила ясное выражение только к середине XX века, когда в квантовой электродинамике Р.Фейнмана были введены специальные «диаграммы» для описания движущегося позитрона (античастицы, родственной электрону) как того же электрона, который движется из будущего в прошлое (вспять во времени) и тем отличается от «обычного» электрона⁷. Соотнося физическое утверждение Фейнмана с художественными образами поэтического языка Вяч. Иванова, можно

⁵ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 123–125, 184–188.

⁶ Данная тема с принципиальных позиций разрабатывается в исследованиях математика и философа А.Н. Паршина, см. его работы: «Дополнительность и симметрия» (*Паршин А.Н.* Путь. Математика и другие миры. М., 2002. С. 139–170) и «Лестница отражений (от гносеологии к антропологии)» (в сб.: Историко-философский ежегодник. М., 2005. С. 269–286).

⁷ Фейнман Р. Квантовая электродинамика. М., 1964. С. 90–92.

сказать, что в потоке Ройи естественным образом пребывают элементарные частицы, в потоке Антиройи – определенного типа античастицы.

Только квантовой механикой дело не исчерпывается. Идея двух «стрел времени» с недавних пор получила дальнейшее развитие в общей теории поля, разрабатываемой, например, в исследованиях Г.В. Рязанова⁸. Есть и другие попытки использования «диаграмм Фейнмана» – первоначально они, не различая прошлое и будущее или, точнее, меняя их местами, позволяли описывать сложные процессы рассеяния и рождения элементарных частиц в микромире, – попытки применений для более крупных {820} масштабов, а именно для представления событий в макромире⁹. Одной-единственной «стрелы времени» физикам, похоже, действительно уже недостаточно.

Но вернемся к «Сну Мелампа». Разумеется, мы не можем с уверенностью заявлять, что для оформления своей идеи «разно-текущих» потоков Вяч. Иванов каким-то образом получал «вести из будущего» (допускать мы это, впрочем, можем) и потому ведал о грядущих новациях в области теоретической физики. Нам, следовательно, остается указать традиции и контексты, внутри которых он жил и действовал как творец и, одновременно, как транслятор определенных мифологических систем.

Надо сказать, что эта задача весьма сложна и громоздка, если иметь в виду такую известную особенность творческого метода русских символистов, как отмеченное за ними «александрийство». Великое множество эпох, стилей, художественных приемов смешалось и в каком-то смысле подытожилось в символизме В.Брюсова, А.Белого, Вяч. Иванова. Потому-то для аналитического описания «очень разветвленной мифопоэтической космологии» русского символизма не обойтись без составления словарей (тезаурусов) поэтических мотивов и образов, имеющих разветвленную же перекрестную структуру. Между прочим, здесь необходимо учитывать, что едва ли не все символисты «не только отличались исключительными познаниями в мифологии и герметике, но и были хорошо знакомы с (естественно-)научной картиной мира своего времени» и сами,

⁸ См.: *Рязанов Г.В.* Путь к новым смыслам. М., 1993. Первая работа автора по затронутой теме («Квантово-механическая вероятность как сумма по путям») появилась еще в 1958 году.

⁹ Качественное описание такой возможности см. в работе: *Буданов В.* Когнитивная психология или когнитивная физика. О величии и тщетности языка событий // Событие и смысл (синергетический опыт языка). М., 1999. С. 49–59.

как представляется, определенно выступали в облике «рационально-иррационального двойственного существа», – так утверждает Аге А. Ханзен-Лёве, автор первого словаря такого рода¹⁰. Как Меламп, они, похоже, тоже были «двусоставны» или «черноноги».

На материалах указанного словаря (с цитатами из Бальмонта, Городецкого, Сологуба и др., тут представлен не только Иванов) можно выявить и проследить многие принципиальные черты извлеченного нами из «Сна Мелампа» эпизода. Здесь, в частности, упоминаются: основные космологические функции *мировой змеи* начиная с Древнего Египта и кончая славянской мифологией; более частный мотив *уробороса*, т.е. мировой змеи, кусающей (или глотающей) себя за хвост, что «символизирует архетип вечного возвращения», вечного «становления и исчезновения»; мотив сочетания мужской и женской стихий как рождения мира в браке *двух змей*, земной и небесной¹¹. Специально комментируя «Сон {821} Мелампа», автор словаря усматривает некоторого рода генезис от одной змеи к двум, – «этот символ змеи Иванов расщепляет и поднимает до воплощения противоречия, которое имманентно всему творению»¹², – и тем самым образ «пары змей» помещается в контекст философской мысли. Прежде всего, это учение Гераклита о мировом становлении («всё течет»), образованном из противоположностей («война – отец всех вещей»). В одной из своих образных модификаций, напоминает Ханзен-Лёве, гераклитово становление и приобретает вид «энантиодромии», т.е. встречного течения потока и противотока¹³. Соответствующее (далеко не самое известное, между прочим) высказывание Гераклита и связанный с ним поздний комментарий имеют прямое отношение к интересующему нас образу двух «потоков» или «стрел» времени. Приведем нужный фрагмент, пользуясь единственным дошедшим до нас источником (напрашивающейся отсылки нет у Ханзен-Лёве). Это – фрагмент 88 по Г. Дильсу, он извлечен из «Утешения к Аполлонию» Псевдо-Плутарха: «Разве есть хоть одно мгновение, когда бы в нас самих не присутствовала смерть? Как говорит Гераклит: “Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое,

¹⁰ Ханзен-Лёве Аге А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 5, 18.

¹¹ Там же. С. 78–81, 122–124.

¹² Там же. С. 81.

¹³ Там же. С. 124, 79.

ибо эти [противоположности], переменившись, суть те, а те, вновь переменившись, суть эти"... и эта река рождения будет непрерывно течь и никогда не остановится, равно как и текущая ей навстречу река уничтожения... »¹⁴.

Не ставя здесь непосильную задачу сколько-нибудь подробно и полно проследить в истории культуры судьбу намеченного образа встречных потоков, мы укажем только несколько исторических фактов, уже порознь известных науке, но еще, кажется, не собранных в наших целях. Эти факты говорят об одном: сей образ приготовлялся и осваивался не только давно, но и весьма последовательно, так что Гераклит и Вяч. Иванов вовсе не были одиночками в своем постижении «энантиодромии».

Начать можно с данных этимологии индоевропейских языков. Целым рядом исследователей отмечено, что некоторые слова со значением «время» явно соотносились у индоевропейцев со значением «сторона, направление» и даже напрямую – с пространственными ориентациями «правый» и «левый»¹⁵. Далее, хорошо известно, что античная культура сохранила и сообщила нам любопытные символы двунаправленного времени, запечатленные в образах двуликих божеств: таков Янус (бог входов и выходов, {822} а также всякого начала); таковы богини провидения Постворта («обращенная к потом») и Прорса или Антеверта («обращенная к прежде»), которые в более древнюю эпоху были, вероятно, лицами одной и той же богини Карды (богини дверей или, вернее, «дверных петель»); таков греческий двуглавый пес Орф (Орт или Орфр), который олицетворял границу смены года¹⁶.

Интересно обратиться также к одному важному наблюдению, которое фиксирует (не слишком ясную по своим причинам) смену представлений о позиции и ориентации человека в потоке времени, произошедшую где-то в эпоху классической Греции. Как отмечает, например, Ю.С. Степанов, для древнего грека естественно было считать, что прошлое расположено *перед* человеком (ибо прошлое мы знаем, оно отчетливо нам дано), а будущее – *позади* него, как бы за его спиной (ибо оно неведомо нам, мы его не видим и, следовательно, не

¹⁴ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 213–214 (перевод А.В. Лебедева).

¹⁵ *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М., 1996. С. 90, 94.

¹⁶ *Степанов Ю.С.* Константы... С. 127–128.

контролируем). Такая позиция явственно сказывалась на особенностях – стилистических и грамматических, – многих языковых выражений, призванных передавать темпоральные отношения¹⁷. Ныне же, как мы привыкли ощущать, подчиняясь глубинному «чувству языка», прошлое размещено у нас за плечами, а лицом мы обращены прежде всего к будущему.

Между прочим, русская культура хорошо знает и помнит то *место*, где своеобразно законсервировано архаичное представление как раз о двух сосуществующих (хотя, видимо, и не равноправных) направлениях причинности. Это *припоминание* о непростой структуре времени содержится в «Слове о полку Игореве», а именно в зачине его – таково знаменитое и загадочное для большинства исследователей «свивая славы оба полы сего времени», и связаны с этими «оба полы» (двумя половинами, двумя ветвями, двумя потоками) времени два несхожих типа людской славы, «передняя» и «задняя»¹⁸.

Наконец, минуя многие эпохи и имена, мы в конце нашего раздела образцов и примеров укажем на поразительные «эксперименты» со временем в творчестве русского писателя С.Д.Кржижановского, младшего современника Вяч. Иванова. Кржижановский настоятельно советовал «увидеть *другое* время», учил намеренно бросать «поздно» в «рано» и «рано» в «поздно», звал нас ходить под «ветром секунд» на косом парусе – *навстречу* времени¹⁹.

Думается, приведенных свидетельств вполне достаточно. Да, {823} имеется, существует общий идейный фон, но есть и специфический облик творца на таком фоне. Надо сказать, что особую роль (особым же образом понимаемой) временной составляющей в поэтическом мире Вяч. Иванова уже стали замечать и эксплицировать. Укажем для конкретности недавно выполненный анализ *замкнутой системы символов* поэта у С.С.Аверинцева. Исследователь убедительно выделяет фактор «временной необратимости» у А. Блока с его «пафосом движения без оглядки и без возврата» (блоковскую *дорогу*) и указывает явно *ограниченную* роль исторического времени (той самой «стрелы времени») у Вяч. Иванова и утверждает необходимость совершенно иной метафоры для

¹⁷ Там же. С. 125–126.

¹⁸ Слово о полку Игореве. Л., 1990. С. 49, 59 (реконструкция Д.С. Лихачева).

¹⁹ Отсылки к произведениям С.Д. Кржижановского из соображений краткости приводим по работе: *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 538.

интегральной характеристики творчества последнего: *исток – возврат – затвор*²⁰. Исток совмещается-воссоединяется с целью, принципиально образуя тем самым возврат. «В этой теме *возврата, палирройи* («обратного течения») – тайна ивановского восприятия временного измерения жизни»²¹, подчеркивает С.С. Аверинцев.

Заключая наши заметки, мы не сможем обойтись без упоминания еще одного имени, которое тесно соединено с именем Вяч. Иванова и в области преходяще-биографического, и в сфере вечно-идейного. Это о. Павел Флоренский. Они были хорошо знакомы, много общались, ценили друг друга и вообще были, что называется, конгениальны. Важная переписка Флоренского и Иванова 1913–1918 годов, во многом свидетельствующая об этом, сравнительно недавно была опубликована²².

В исключительно широком творческом наследии о. Павла Флоренского без труда обнаруживается много переключек с мотивами из «Сна Мелампа» – причем они будут существенно углублены, развиты, эксплицированы (разумеется, мы не можем специально разбирать здесь вопроса о преемстве и реальных взаимосвязях, это задача отдельного историко-философского исследования). Идея обратного течения времени во сне рассмотрена, к примеру, в работе Флоренского «Иконостас» (закончена в 1922 г.). Представление о двойственном устройстве мира, о наличии «изнанки» мира и противоположности «хода времени» на разных его сторонах развивалось им в книге «Мнимости в геометрии» (1922) и в цикле «У водоразделов мысли» (составлялся в 1918–1922 гг.). Наконец, памятуя о «Сне Мелампа» и новой модели времени, нельзя не упомянуть работу Флоренского «Пределы гносеологии» (1913). Развиваемая там теория «ряда потенциалов сознания» позволяет {824} описывать *сразу оба* направления во времени – из прошлого в будущее и, попятно, из будущего в прошлое²³. Так старинная «энантиодромия» получает самое прямое и наглядное выражение вплоть до предела почти математической строгости.

²⁰ Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...» Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2002. С. 126–127.

²¹ Там же. С. 128. Здесь палирройя и антирройя – синонимы.

²² См.: Вячеслав Иванов. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 93–120.

²³ Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1996. С. 52–60.

Пересечения в нужном нам аспекте можно усмотреть не только для «Сна Мелампа». Когда в 1915 г. Вяч. Иванов заканчивал работу над своей, может быть, самой эзотеричной и метафизичной поэмой «Человек», о. Павел (есть сведения) обещал прокомментировать и разъяснить для читателя это трудное произведение. Замыслу, однако, не суждено было сбыться. Как жаль! В третьей части этой поэмы есть такие вот строки²⁴:

Век прористал свой стадий до границы,

И вспять рекой, вскипающей до дна,

К своим верховьям хлынут времена,

О чем кричат пророческие птицы?

И Вяч. Иванов и о. Павел Флоренский, кажется, знали, о чем кричат пророческие птицы.

{сноски в публикации размещены в конце текста на с. 824 (сн. 1-7) и 825 (сн. 8-24)}

²⁴ Иванов Вячеслав. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель. 1979. С. 224.